О. Л. ЛЕЙБОВИЧ

Лейбович Олег Леонидович
доктор исторических наук
профессор, заведующий кафедрой культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры
Россия, 614000, Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18
Тел.: +7 (342) 212-09-90
E-mail: oleg.leibov@gmail.com

«Недурно бы получить сколько-нибудь премии...» Советский рабочий наедине с дневником (1941–1955)

Аннотация. На материале дневников А. И. Дмитриева делается попытка реконструировать жизненный мир советского рабочего в 1941–1955 гг. По своему социальному положению Александр Дмитриев принадлежал к рабочей аристократии нового образца. Его «я» представляет собой сплав советской культурности со слободскими традициями старых русских мастеровых. Культурной доминантой его личности является индивидуализм, вооруженный техниками выживания в советской среде. Его стратегия поведения выстроена в соответствии с личным экономическим интересом. А. И. Дмитриев обладает множеством выигрышных социальных черт (образованием, профессией, социальным статусом, гендерным преимуществом, опытом городской социализации), которые использует в качестве ресурсов для выживания и социального продвижения. По материалам дневника становится очевидно, что итогом советской культурной революции явилась реставрация мещанской культуры, приспособленной к советскому быту.

Ключевые слова: дневник А. И. Дмитриева, советские рабочие, советская повседневность, советский субъект, Молотов (Пермь), культура бедности, поэтика дневников, советская культурная революция

1

Двадцать третьего июля 1941 г. рабочий завода № 19 Наркомата авиационной промышленности (НКАП) им. тов. Сталина в г. Молотове (ныне Пермь) Александр Дмитриев — молодой человек 23 лет — написал химическим карандашом в школьной тетради:

© О. Л. ЛЕЙБОВИЧ

> Сегодня мне пришла мысль о ведении дневника моей жизни. Жизнь настолько стала скучна, что даже ничем другим я не хочу заниматься[1].

Поразительно, что советский человек жалуется на скуку по завершении первого месяца войны. Более того, даже если бы эта запись была сделана месяцем раньше, когда он развлекался в Москве[2], то исследователи советской истории, во всяком случае те из них, кого привлек так называемый антропологический поворот в гуманитарном знании, вряд ли бы приняли на веру это наивное утверждение. Скуку или, скажем иначе, сплин мог испытывать разочарованный в жизни «лишний человек» — аристократ или интеллигент дореволюционной выделки, но отнюдь не советский рабочий. В 1930-е годы дневники, как было принято думать в эпоху социалистической реконструкции, вели преимущественно люди, страдающие от одиночества, — либо очень молодые, либо скрывающие свои подлинные чувства, внутренние эмигранты[3]. М. О. Чудакова показывает, что в 1930-е годы ведение дневников становилось своеобразным интеллектуальным убежищем для одиноких или чувствующих себя таковыми интеллигентов, отвергающих и большевистские доктрины в целом, и их конкретное воплощение в пропаганде [Чудакова 2001]. Если же рабочий, находящийся «в гуще масс», в эти годы берется за перо, то, вероятно, главным образом для того, чтобы возвысить себя «до уровня субъекта истории» [Хелльбек 2010]. Какая уж тут скука!

Впрочем, Александр Дмитриев в своей дневниковой записи действительно лукавит или искренне заблуждается. От скуки можно что-то записывать в тетрадку время от времени. Он же начиная с июля 1941 г. вел дневники в течение более полувека с завидной регулярностью, оставляя записи двух видов: краткий отчет о прошедшем дне или о главном его событии, но чаще пространный комментарий о том, что произошло на заводе, в семье, в городе.

Утверждение Дмитриева о преследующей его «скуке» противоречит сложившимся концепциям советского субъекта — равно как и вся картина личности, возникающая из последовательного чтения дневника. Эта картина будет реконструирована в последнем разделе этой статьи, пока же замечу только, что дневники Дмитриева содержат описания быта и праздников молотовских рабочих, лишь в очень небольшой степени окрашенные идеологически: есть

---

[1] [Дневник 1941–1944. Ф. 6330. Оп. 5. Д. 10. Л. 3]. Дневники Александра Ивановича Дмитриева хранятся в ПермГАНИ и занимают 32 дела в фонде 6330 («Архивная коллекция документов краеведов»). Далее ссылки на дневник даются в тексте с указанием в скобках номеров дела и листа.

Краткую биографию А. И. Дмитриева см. в [Семянников, Быстрых 2009]. Дневники 1946–1955 гг. опубликованы в мультимедийном издании (CD) «Дневник рабочего (III.1946–XII.1955): Документальная публикация» (науч. ред. О. Л. Лейбович. Пермь: ПермГАНИ, 2014) и размещены в Интернете [Дневник 1946–1955]. Публикация дневников А. И. Дмитриева не осталась незамеченной исследователями, см.: [Скиперских 2015; Кабацков 2015; Кабацков 2016].

[2] В дневниковых записях А. И. Дмитриева, сделанных во время войны, находим пространные воспоминания «о веселых днях моей жизни», проведенных в столице весной и ранним летом 1941 г. (Д. 10, Л. 74–88).

[3] В современной психологии общим местом является суждение: «Многие ведут дневник, потому что испытывают одиночество, им не с кем поговорить “по душам”» [Рогова 2010: 21].

в них описания и «черного рынка», и попоек, и грязи на окраинах Молотова/Перми, и весьма нелестные отзывы о советской власти, хотя и без персональной критики в адрес членов Политбюро.

Изучение вопроса о том, для чего Дмитриеву было нужно практически ежедневно записывать свои мысли и описывать поступки, иногда весьма сомнительные с позиции официальной идеологии и советской морали, позволяет высказать новую точку зрения на природу и результаты довоенной культурной революции — дебаты о них вновь стали актуальными в 1990–2000-е годы после значительного перерыва. В этой статье я попытаюсь показать, что дневники Дмитриева позволяют понять нечто существенное в «советском субъекте» и в его формировании.

2

Для того чтобы точнее показать значение дневников Дмитриева, нужно сначала вкратце описать методологический контекст, в котором разворачивается наше исследование.

Обнаруженные в постсоветское время эго-документы, в основном дневники и письма, побудили современных историков вновь интерпретировать один из излюбленных сюжетов советской идеологии — формирование «нового человека». «Неожиданно значительное число дневников, хроник “Я”, ставших доступными в последние годы, свидетельствуют о важности проблемы “Я” для раннесоветского периода», — замечает Йохен Хелльбек [Халфин, Хелльбек 2002: 221]. Однако, как представляется, новая концептуализация унаследовала один из недостатков старой идеологемы: новое советское «я» в ней выглядит довольно однообразным.

Советские идеологические тексты не столько анализировали такого субъекта, сколько директивно приписывали ему целый набор положительных качеств (см.: [Глезерман 1982; Митин 1979; Смирнов 1981; Толстых 1975]). Общим местом для них был тезис о том, что в первые десятилетия советской власти — в эпоху культурной революции — сложились предпосылки для нового социалистического типа личности. Вот характерный фрагмент из диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности «научный коммунизм»:

> Можно сказать, что вопрос о неизбежности социалистической революции, построения и развития социалистического общества влечет за собой вопрос о неизбежности появления новой личности. Ее основные свойства формировались по образцам лучших черт рабочего класса. Поэтому, раскрывая черты новой личности, необходимо помнить, что развитие ее идет ‹…› в условиях острой идейно-политической борьбы [Габдулова 1984].

Идея, изложенная в этом пассаже, достаточна проста: новому обществу нужны новые люди. Эти люди соответствуют примерно одному и тому же антропологическому или психологическому типу — разумеется, новому. Они появляются не стихийно — а следовательно, как подразумевается здесь, в ходе процессов, именовавшихся тогда «идейно-воспитательной работой партии».

Апология нового человека восходит к большевистской риторике 1930-х годов. Советская печать приветствовала появление людей социалистического завтра: убежденных, идейных, самоотверженных и трудолюбивых. В 1939 г. Сталин сформулировал тезис, согласно которому «последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического барства» [Сталин 1997: 320].

Пропаганда была достаточно убедительной, чтобы в нее поверили заграничные наблюдатели. В среде национал-социалистов до их прихода к власти в Германии встречались люди, увидевшие в Советской России «душу новой [социальной] формы» (см.: [Schmid 2007: 52]). Более того, результаты непосредственных наблюдений иностранных гостей советского правительства как будто бы подтверждали официальные заверения о том, что в СССР сложился новый тип человека. Так, журналист и политолог Клаус Менерт, хорошо знавший русский язык и в начале 1930-х годов имевший в Германии репутацию крупного эксперта по «русскому вопросу», побывал в СССР в качестве корреспондента, побеседовал с московскими студентами, познакомился с их дневниками и сделал вывод, что «большинство студентов воодушевлены большевизмом и его великими задачами; они готовы и впредь жертвовать материальными благами [для этой цели]» [Mehnert 1932: 33].

И в последующие десятилетия некоторые западные исследователи полагали, что в 1930-е годы возник новый социально-психологический тип, — но оценивали его куда более скептически, чем советская пропаганда или, например, чем супруги Сидней и Беатрис Вебб, издавшие в 1935 г. после поездки в СССР книгу «Советский коммунизм — новая цивилизация?». Так, американский историк Роберт Даниелс соглашался с тем, что «при Сталине советское общество превратилось в устойчивую, хотя и весьма напряженную структуру, требующую дисциплинированных, послушных людей, тех, кто обеспечит лучшие шестеренки для военно-промышленной машины» ([Даниелс 2011: 273]; ср. [Геллер 1994: 297]). Быть «шестеренкой» — отнюдь не то же самое, что «соответствовать лучшим образцам». Однако исследователь, насколько можно судить, не сомневается в том, что «дисциплинированные, послушные» люди в СССР формировались в нужном количестве.

Жесткая критика большевистского проекта и его результатов появилась практически одновременно с возникновением новой риторики — в те же 1930-е годы. Писатель Марк Алданов, наблюдавший из эмиграции за событиями в стране Советов, посмотрел как-то в кинотеатре московскую хронику. Показывали военный парад на Красной площади. В толпе он увидел новых людей: «бритых, комсомольского вида», но не только их:

> Лента на мгновение выбрасывает и уводит истинно страшное, зверское лицо. Кто это? Кем был этот человек до революции? Как могли подобные люди появиться в чеховской России, в той России, «где ничего не происходит», где национальным недостатком считалась обломовщина, — странно и смешно теперь вспоминать об этих упражнениях в национальной психологии после пережитого нами апокалипсического пятнадцатилетия [Алданов 1994: 317].

Его советский современник А. К. Воронский — когда-то большевик-подпольщик, а в 1920-е годы основатель и редактор первого советского толстого журнала «Красная новь», человек, близкий к левой оппозиции в ВКП(б), — тоже заметил новых людей. Он их называл то «партийным молодняком», то «новыми реалистами», но никакого воодушевления они у него не вызывали — они слишком предприимчивы, цепки, циничны и социально высокомерны:

> При неблагоприятном обороте все это может выродиться в узкий американизм, в делячество «без всяких измов», в грюндерство худшего сорта. Отсутствие склонности к рефлексии при этом может превратиться в свободу от всякой идейности, в некоторое равнодушие к «музе мести и печали», в черствое, жестокое отношение к бабенкам и мужикам [Воронский 1929: 124].

Послевоенные опросы в лагерях для перемещенных лиц (так называемый Гарвардский проект) и яростные выпады против «мещанства» в советской печати первой половины 1950-х (об их идеологической природе см.: [Добренко 2013]) показали западным наблюдателям, что представление о единообразии «нового человека», мягко говоря, грешит упрощением. Вера Сандомирская стала писать о «советском среднем классе» [Sandomirsky 1954], а уже упомянутый Клаус Менерт в книге «Советский человек», впервые изданной в 1958 г. и выдержавшей более 10 изданий, констатировал, что советские люди «более интересуются доходами и жизненным комфортом, чем маршем к коммунизму» [Mehnert 1962: 491].

В последние десятилетия в международном сообществе историков, близких к так называемой ревизионистской школе, проявилась тенденция считать «советским субъектом» не конформиста, которого описывали в своих работах Менерт и Сандомирская, а «нового человека», как теперь вновь предполагается, успешно созданного в годы культурной революции. «Без преувеличений, коммунистический проект может рассматриваться как грандиозный “я”-проект по превращению несовершенных партикуляристских человеческих существ в универсальных социализированных субъектов», — говорит Й. Хелльбек [Халфин, Хелльбек 2002: 222].

Основным источником, на основании которых формулировал свои выводы Хелльбек, были дневники партийных активистов, «вычищенного» по причине происхождения студента, успевшего побывать и рабочим, и осведомителем ОГПУ, а также учительницы — выпускницы высших женских курсов в Москве [Hellbeck 2006; Хелльбек 2010; 2012][4].

С публикаций Хелльбека можно вести отсчет новых дебатов на старую тему — о замысле и результатах советской культурной революции в 1930-е годы. Американский историк обнаружил в поденных записях учительницы Зинаиды Денисьевской процедуру переопределения себя «в соответствии с тем направлением, в котором, по ее мнению, двигалась история. Рефлексирующая личность XX в., она сама стала незавершенным идеологиче-

[4] Речь идет о дневниках Степана Подлубного — студента, затем рабочего, скрывавшего свое «кулацкое» происхождение; Зинаиды Денисьевской — учительницы советской школы с гимназическим образованием и др.

ским проектом, активным и творческим участником разработки политических идеологий революционного периода» [Хелльбек 2012].

Тот же взгляд на советского субъекта представлен и у И. Халфина [Halfin 2003]. Оба автора отстаивают тезис, согласно которому советская идеология в ее сталинском изводе формировала из обывателей исторических субъектов, переделывавших себя в соответствии с большим коммунистическим проектом: «В дневниках тех лет хорошо видно ощущение настоящего как переломного исторического момента, а также необычное желание прибегнуть к насильственным методам ради преодоления воображаемого рубежа. Такое ощущение порождало бесчисленные индивидуальные проекты самопреобразования, характеризующиеся беспрецедентным ощущением возможности и необходимости» [Хелльбек 2010].

3

Методологическое «хождение по кругу» — от признания успеха советской культурной революции до утверждений о ее частичном провале и снова к признанию успеха — может быть объяснено, в частности, довольно ограниченным выбором тех эго-документов, с которыми работают современные историки — даже в ситуации открытости архивов, характерной по крайней мере для первого постсоветского десятилетия. Стоит лишь отвернуться от дневников, например, к протоколам партийных собраний, как выясняется, что для многих людей 1930-х годов коммунистический проект оставался китайской грамотой, непонятной, нечитаемой и даже неинтересной. Командир 82-й стрелковой дивизии, расквартированной в Свердловской области, говорил в кругу проверенных товарищей:

> Мы получали иногда и таких новобранцев, которые не знали, кто такой т. Сталин, никогда не слыхали о Ленине [Стенограмма 1934. Л. 31].

Отчуждение от большевистской культуры, от ее главных символов было явлением отнюдь не случайным и даже не маргинальным. Успехи партийной пропаганды были не столь значительными, как это казалось «с другого берега» [Brandenberger 2011]. Масса взрослых людей оставалась неграмотными. На городской партийной конференции в Перми секретарь горкома ВКП(б) признавал, что все рапорты о ликвидации безграмотности были, в сущности, лживыми:

> Вы помните, тов. Кириллов, когда мы в Перми посылали рапорты т. Кабакову, Центральному Комитету партии, тов. Сталину, Калинину, Молотову о том, что Пермь стала городом и районом сплошной грамотности. Что из этих рапортов получилось? Из этих рапортов получился пшик, а если говорить на партийном языке, то самое наглое очковтирательство. ‹…› Что у нас получается, количество малограмотных доходит до 15 000 человек, количество неграмотных, а этому подсчету не верю, доходит до 5 000 чел. Я утверждаю, что эта цифра гораздо больше по Перми и по району [Стенограмма 1936 (1). Л. 44].

Культурный климат эпохи был иным, не таким одномерным, как его описывают сторонники успешной реализации коммунистического проекта. Даже избранные ими персонажи выглядят не столь одномерными. Так, обращаясь к дневнику Степана Подлубного, Марк Липовецкий не находит в нем ни стремления к цельности, ни возвышения себя до субъекта мировой истории. Автор дневника демонстрирует прежде всего умение приспосабливаться, надевать на себя разнообразные маски и безболезненно переходить от одного «я» к другому: «“Советский человек” — лишь одна из персон Подлубного. Рядом с ней, практически не пересекаясь, существует персона скрывающегося кулака — изгнанного из института, стоящего в тюремных очередях с передачами для арестованной матери. Есть и третья персона — опять-таки развивающаяся параллельным курсом с первыми двумя: секретного агента и информатора ГПУ / НКВД. Налицо и четвертый сюжет субъективности: отношения Подлубного с женщинами — как правило, достаточно жестокие: кажется, что он восполняет свою социальную ущемленность гендерным насилием. Самое поразительное в дневниках Подлубного — именно эти параллельные жизни и легкость, с которой советский субъект артистически, казалось бы, полностью “забывая” о своих других персонах, переходит из одной “роли” в другую, — чем, безусловно, напоминает о трикстерах» [Липовецкий 2009].

Иначе говоря, Степан Подлубный не переделывает собственную идентичность, он производит процедуру ее умножения для разных надобностей, а если и трудится над собой, то только мастеря соответствующие социальные маски: передового комсомольца, трудяги-рабочего, бдительного негласного сотрудника органов.

4

Первая же фраза дневника Дмитриева — о скуке — важна вне зависимости от того, правдива она или нет. Исследователи советских дневников показывают, что даже мысли о том, что дневник можно вести от скуки, их авторам в голову обычно не приходили. Коллективный опыт интеллигентов советского или досоветского происхождения подсказывал, что вести дневники и затевать обширную переписку было занятием отнюдь не безопасным. При обысках их изымали в первую очередь. Так, «11 февраля 1935 года был арестован главный редактор Госиздата художественной литературы М. Я. Презент, близкий к всесильному хозяйственнику Кремля — секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе. Изъятый во время обыска дневник Презента пристально изучил глава НКВД СССР Г. Г. Ягода, в тот же день передавший этот крайне любопытный документ Сталину» [Жирнов 2016][5].

Травма Большого террора довершила дело. Дэвид Шенберг, физик из Кембриджа, который в 1937–1938 гг. работал в новом институте под руководством Петра Капицы, писал позднее, что чистка была «подобна чуме, и вы никогда не могли знать, кого схватят следующим» [Shoenberg 1978: 18].

Ольга Берггольц рефлексировала в 1939 г. свой горький опыт подследственной:

[5] Текст дневника Михаила Яковлевича Презента см.: [Презент].

> А я даже здесь, в дневнике (стыдно признаться), не записываю моих размышлений только потому, что мысль: «Это будет читать следователь» преследует меня. Тайна записанного сердца нарушена. Даже в эту область, в мысли, в душу ворвались, нагадили, взломали, подобрали отмычки и фомки. Сам комиссар Гоглидзе искал за словами о Кирове, полными скорби и любви к Родине и Кирову, обоснований для обвинения меня в терроре. О, падло, падло.
> А крючки, вопросы и подчеркивания в дневниках, которые сделал следователь? На самых высоких, самых горьких страницах! [Берггольц 1990: 177].

Когда боишься — или не ведешь дневников вообще, или сознательно делаешь пропуски (ведь совсем не ясно, какие имена завтра станут запретными, а суждения крамольными), или фабрикуешь дневник для «комиссара Гоглидзе», рисуя в нем автопортрет сознательного советского гражданина, непримиримого к врагам партии и народа, восторженного регистратора великих свершений и побед, преисполненного любви к товарищу Сталину. В сентябре 1937 г. советский драматург Александр Афиногенов, изгнанный из партии за «связь с троцкистами», сидел на даче и ждал ареста. По всей видимости, чтобы избыть страх, он делал наброски к пьесе «Протокол допроса». В ней тщательно прописан вымышленный диалог драматурга, или его alter ego, со следователем:

> Сл[едователь]. Запискам вашим я не верю.
> Я. Я и это знал.
> Сл. Почему?
> Я. Потому что раз человек ждет ареста и ведет записки, ясно, надо думать, он ведет их для будущего читателя — следователя и, значит, там уж и приукрашивает все, как только может, чтобы себя обелить. А прошлые записки, за прошлые годы, так сказать, «редактирует» — исправляет, вырезает, вычеркивает. Ведь так вы подумали?
> Сл. Так.
> Я. ‹…› А что касается того, что вы запискам не поверите, так это, естественно, так и будет, хотя, конечно, если бы вы в них нашли вредные мысли или даже анекдоты, вы бы тогда им поверили, то есть с другой стороны, стороны обвинения моего… [Афиногенов 1993: 240–241].

Конечно, это не литература. Перед нами — человеческий документ, едва перелицованный под художественный текст. Илья Венявкин полагает, что для Афиногенова «дневник должен был стать свидетельством коренной трансформации его личности», и поэтому он «старался тщательно фиксировать свои размышления о причинах собственной социальной неудачи и рефлексировал по поводу ощущения своего перерождения — избавления от старой личности и формирования нового, по-настоящему советского человека» [Венявкин 2014: 122] (ср. также о дневниках Афиногенова: [Hellbeck 2006]).

Сейчас уже не определить, какие дневники писались специально для чужих глаз, а какие служили инструментом для диалога с самим собой. На самом деле, дневников 1930–1940-х годов сохранилось очень немного. И дело

не только в страхе. Для ведения дневников нужны материальные условия — личное пространство в жилище, собственный ящик в столе или комоде, возможность уединения. У множества рабочих и советских служащих, живших в переполненных бараках и коммуналках, такой возможности не было. Так, в 1936 г. в Перми, согласно отчетам чиновников, на каждого жителя приходилось 2,75 кв. метров. Кардинальное улучшение этой ситуации было почти несбыточной мечтой; секретарь горкома информировал товарищей по партии:

> Если мы так запишем о ликвидации жилищного кризиса, мы должны будем вложить 200 млн. рублей. Мы не можем создавать себе такую иллюзию и давать обещания трудящимся города [Стенограмма 1936 (3). Л. 57].

Записи, открытые для родственников, лишались интимности. Они становились разновидностью стенгазеты, открытой для всеобщего обозрения. Литературный жанр дневника, казалось, умирал в советской повседневности, однако все же находились люди, которые вопреки обстоятельствам поддерживали уходящую традицию.

Иными словами, практика частных поденных записей или в форме «судового журнала», или в форме диалога с воображаемым собеседником в 1930-е годы стала редкостью, но не исчезла совсем. Нужно было быть очень наивным человеком, чтобы не считаться с тем, что твоими записями заинтересуются либо товарищи по партийной ячейке, либо стражи государственной безопасности в фуражках с синими околышами, либо их штатские помощники. Повторюсь, безопасней было бы ничего не записывать и не хранить, но тот, кто все-таки не мог избежать искушения поверять свои мысли дневнику, должен был быть очень осторожным в суждениях и оценках...

Герой нашей публикации, молотовский рабочий Александр Дмитриев, был, по-видимому, совершенно чужд таких опасений. Его дневник не подходит ни под одну из рубрик: в нем не найти ни углубленной работы над своим «я» в духе социалистического преобразования личности, ни тягостных размышлений о гибели «ордена русской интеллигенции», ни особого страха перед органами, ни наивности неофита, впервые взявшегося за перо. Он пишет очень уверенно, так, как если бы ничего особенно не боялся.

Это непривычное для исследователя советских эго-документов убеждение было вызвано особенностями социального положения Дмитриева. Он принадлежал к рабочей аристократии нового образца: даже в годы войны он никогда по-настоящему не голодал, пользовался немалыми привилегиями в режиме труда и в системе оплаты.

Советские статистики позднее разделили советских рабочих на несколько групп по степени механизации труда. Автор дневника принадлежал к первой группе — работников, занятых регулировкой, контролем и наладкой полуавтоматов (см.: [Зинченко, Мунипов 1979]). Ему не приходилось выстаивать часами у станка, выполняя напряженнейшую производственную программу. Трудился он на предприятии, о котором и до войны писали: «...по технической культуре в Перми и авторитету в стране является первым заводом» [Дубов 1937. Л. 76].

Дмитриев работал на испытаниях авиадвигателей: снимал показания приборов, фиксировал неполадки, оценивал состояние запущенных технологических процессов, в крайних случаях что-то выправлял, довинчивал, отлаживал. Это была работа, требовавшая высокой квалификации, знания технологий, глазомера, наконец, внимательности. Справиться с ней могли единицы, именно по этой причине начальство было склонно закрывать глаза на проступки «мастеров социалистического труда»: их было некем заменить. Дмитриев, естественно, побаивался, вдруг на него за что-нибудь рассердятся, дадут делу ход — и тогда снимут бронь или привлекут к уголовной ответственности, но все-таки надеялся, что его не тронут, простят опоздание, небольшой прогул, всяческие проделки с карточками, талонами, пропусками. В общем, то, за что станочников и разнорабочих сотнями отдавали под суд, Дмитриеву сходило с рук.

Александр Дмитриев — человек, безусловно, советский и по времени рождения, по происхождению, по месту проживания, по роду занятий и по образованию. Он потомственный рабочий, горожанин во втором поколении, комсомолец, обучавшийся в техникуме, но не завершивший курса, скорее всего, по причине лености. На заводе он тем не менее окончил школу социалистического труда, получил диплом мастера, чем немало гордился[6].

Конечно, он плутовал. В его дневниках можно обнаружить множество записей о том, как он подделывал талоны на усиленное питание, правдами и неправдами добивался прикрепления к специальной столовой, обхаживал буфетчиц и подавальщиц, что-то выменивал, подворовывал и очень обижался, когда знакомый тракторист медлил с вывозом с территории завода припрятанного магнето, которое Дмитриев пообещал сельскому механизатору в обмен на хлеб.

Дмитриев был страстным книгочеем. Страницы дневника испещрены наименованиями найденных, взятых в библиотеке или у товарищей, купленных и даже выменянных книжек. Из перечня книг вряд ли что-то удастся узнать о его литературном вкусе. Такое впечатление, что он читал все подряд — от Вольтера («даже не думал, что у него могут быть такие вещи — интересные», 30.11.1954 [Дневник 1946–1955]) до многотомных эпопей современных ему советских писателей и повестей про шпионов. Радовался, когда «удалось выписать подписные издания: Д. Лондона — 7 томов и А. Чехова — 12 томов», 14.11.1954 [Там же]. Одновременно хвалил романы С. Бабаевского и повести Л. Никулина.

Дмитриев — большой любитель кинематографа, наверное, не пропустивший ни одного фильма, одновременно завзятый театрал, обучавшийся светскому этикету по театральным постановкам. Для знакомства с родителями невесты он выбрал фойе театра оперы и балета. Исполняли «Евгения Онегина». В антракте попросил руки своей избранницы. Видимо, получилось театрально, как и задумывалось.

---

[6] Мастер социалистического труда — квалификация, присваиваемая выпускнику профессиональных курсов. Курсы мастеров социалистического труда с двухлетней образовательной и профессиональной подготовкой в 1940-е годы являлись высшим звеном в системе технического образования рабочих. Рабочий, получивший звание «мастер социалистического труда», мог претендовать на должность бригадира, мастера, начальника смены, начальника участка и т. п. [Фельдман 2005: 26–27]

В целом можно сказать, что в представлениях Дмитриева о культуре причудливо комбинировали совершенно советские элементы (круг чтения) с жестами несоветского, скорее всего дореволюционного происхождения — вроде обращения к родителям невесты (не к самой невесте!), пусть и в декорациях театрального фойе.

В молодости Дмитриев, по-видимому, надеялся стать профессиональным литератором:

> 26.03.1946. Вчера я решил написать несколько рассказов из уральской жизни, хотя я больше занимаюсь писанием стихов, но думаю, что и эти рассказы у меня получатся неплохие. Ну, заранее я хвастать не буду, а с сегодняшнего дня начну их писать. Первый рассказ я назову «Волки» [Там же].

Однако для печати он стал писать, уже выйдя на пенсию. Начиная с середины 1980-х годов Дмитриев готовил для пермских газет заметки краеведческого характера, а в 1991 г. передал историку Т. И. Быстрых для публикации свою переписку с друзьями-фронтовиками во время Великой Отечественной войны [Быстрых 1991]. В архиве сохранилась и написанная им стихотворная автобиография.

Многолетнее пусть и не очень глубокое желание стать писателем скорее всего и стало главным побудительным мотивом вести изо дня в день, из недели в неделю записи химическим карандашом и чернилами в блокнотах и ученических тетрадках. Писал А. И. Дмитриев грамотно, почти не делая орфографических ошибок, иногда путался в запятых и не делал различий между разговорной и литературной речью, что, впрочем, дневникам отнюдь не вредит, напротив, придает им аромат подлинности, непосредственности и живости.

5

В дневниках А. И. Дмитриева преобладают четыре темы: городская повседневность; завод; семья; книги, фильмы и спектакли. Больших политических тем он касается очень редко, чем, к слову, отличается от рабочих-коммунистов времен коллективизации. Те вели свои дневники клишированным языком советских газет. «Ни одна грамматическая или стилистическая характеристика этих предложений не представляет даже минимального отступления от канонов официальной иконографии» [Бойм 2002: 291].

Дмитриев тоже читал газеты, иногда очень внимательно, но совсем не глазами убежденного коммуниста. От политических дискуссий он держался в стороне, но если касался подобных сюжетов, то высказывался прямо:

> 6.02.1947. Через несколько дней будет проводиться комедия в одном действии по выборам в Верховный Совет РСФСР. Какие же это выборы, когда в бюллетене будет только один кандидат. Все равно, конечно, он будет избран. Зря только средства на всю эту избирательную компанию тратят [Дневник 1946–1955].

В дневниках А. И. Дмитриева военной поры проступает чувство дистанции от власти — пусть и не полностью осознаваемое. В его дневнике трудно

обнаружить «слияние повседневности с идеологическим сознанием» [Хелльбек 2010]. Он может критически относиться к военной пропаганде:

> 20.01.1942. Правда, я не очень доволен некоторыми сообщениями. Например, Совинформбюро сообщает, что немцы разрушили церковь, устроили в ней конюшни и т. д. А, спрашивается, мы сами как относились к этим церквям? Тоже устраивали в них гаражи, склады и т. д. Правду говорит русская пословица: «У людей в глазу соринку видишь, а у себя бревно не замечаешь» (Д. 10. Л. 68об).

(Дмитриев как советский человек, вероятно, не помнит о евангельском происхождении (Мф. 7: 3–5) процитированной им «пословицы».)

Дмитриев мог ворчать наедине с собой и по поводу ужесточения государственной политики, которое он воспринимал как возвращение дореволюционных практик:

> 21.07.1943. Опять, по-видимому, ворочаются старые времена. И вешать начали, и в каторжные работы людей ссылать. Скоро, пожалуй, колесовать, четвертовать и на кол сажать будут (Д. 11. Л. 78)[7].

Однако таких заметок в дневниках А. И. Дмитриева совсем немного. Политика его не увлекает, разве что в связи с искусством. Так, молотовского рабочего рассердило постановление ЦК ВКП(б) «Об опере ”Великая дружба” В. Мурадели», опубликованное в газете «Правда» 11 февраля 1948 г. Опубликованное в «Правде» постановление положило начало недолгой, но шумной кампании в печати, на радио и в партийных собраниях [Добренко 2006]. Дмитриев комментирует:

> 24.02.1948. Сейчас в газетах ведется кампания против композиторов. «Разбили» всех: Мурадели, Прокофьева, Мясковского и даже Шостаковича[8]. А всего еще немного времени тому назад их превозносили до небес, давали им Сталинские премии и звания лауреатов. Вот тут и пойми простой русский человек, что же в конце концов хорошо и где правда, если сегодня одного хвалят, а через некоторое время его в грязь втаптывают. А ведь до постановления ЦК ВКП(б) все молчали, а сейчас все «тупицы» начинают писать в газетах, что музыка плохая, что ее трудно было воспринимать и т. д. и т. д. Т. е. тут надо

[7] 19 апреля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников». В нем предусматривались, казалось бы, забытые виды наказания — смертная казнь через повешение и каторжные работы. Указ не был опубликован, но был зачитан войскам. В июле 1943 г. Совинформбюро сообщило о процессе над карателями в Смоленске и о публичной казни их на городской площади.

[8] В постановлении перечислялись композиторы, придерживающиеся «формалистического, антинародного направления», — Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шебалин, Г. Попов, Н. Мясковский и другие, «в творчестве которых особенно наглядно представлены формалистические извращения, антидемократические тенденции в музыке, чуждые советскому народу и его художественным вкусам» [Постановление 1948: 631]. Подробнее см.: [Власова 2010].

> понимать так, что хозяин говорит, то и хорошо, а что плохо — то и по мнению слуг плохо. ‹…› Вот сейчас и пойдет музыка, от которой придется даже радио выключать. А все получается почему? Потому что выбрали в Верховный Совет разных «знатных» доярок, трактористов или «знатных» пастухов. Ну, вот они и давай подымать голос, что такая музыка, как например, «Во поле березонька стояла» лучше, чем какая-нибудь оперная ария. Темнота на светлом месте всегда будет темнотой. Ее уже не переучишь [Дневник 1946–1955].

Эта запись в дневнике А. И. Дмитриева заслуживает медленного чтения. Прежде всего в ней ясно проявляется критическое отношение к партийному постановлению. Рабочий не спешит присоединиться к хору внезапно прозревших «тупиц», осуждающих по приказу музыку Дмитрия Шостаковича и других композиторов. Музыка «реалистического направления», звучащая по радио, кажется ему убогой и примитивной.

Здесь нужно сделать отступление. Буквально в те же дни профессура Молотовского медицинского института на своем партийном собрании высказывалась по поводу оперы «Великая дружба», незадолго до решения ЦК ВКП(б) поставленной на сцене местного театра. Среди участников собрания были подлинные ценители музыки, настоящие меломаны, завсегдатаи симфонических концертов в филармонии и премьер в театре оперы и балета, в общем, люди высокой музыкальной культуры [Зиф 2004]. Вот что они говорили:

> **Сангайло А. К.** Я выступил в печати с положительным отзывом о музыке Мурадели. Видимо, это надо расценивать как мой плохой музыкальный вкус. ‹…›
> **Любовский О. Х.** Фенелонов[9] не прав, считая Мурадели и др. талантливыми композиторами. Какой же талант, если он непонятен народу?
> **Гузиков П. А.** Мне хочется как человеку, любящему музыку, сказать, что музыка Мурадели ужасна [Протокол 1948. Л. 46–47].

А. И. Дмитриев меломаном не был, но соглашаться с начальственным мнением отнюдь не спешил, в кампании не участвовал ни заметкой в стенгазете, ни письмом в заводскую многотиражку.

В записи о партийном постановлении можно обнаружить не только несогласие с одним из актов культурной политики. В нескольких словах А. И. Дмитриев предъявляет свое видение сложившегося в стране политического порядка, скроенного, по его мнению, по образцу барской усадьбы. Всем заправляет хозяин, пусть и не названный по имени, но вполне узнаваемый. Вокруг него роятся слуги, пусть и собранные в Верховный Совет СССР, но оставшиеся темными и неразвитыми людьми. Рабочий авиамоторного завода демонстрирует здесь и социальное высокомерие по отношению к отсталым сельским жителям — знатным дояркам, трактористам и пастухам. Пренебрежение к ним потомственный горожанин Дмитриев высказывал и раньше:

[9] Фенелонов Аркадий Лаврович (1893–1972) — профессор-хирург в Молотовском медицинском институте. Имел заслуженную репутацию большого знатока музыкального искусства. В цитируемом протоколе указанного высказывания А. Л. Фенелонова нет.

> 8.03.1943. Компания была все знакомая, но в большинстве были «крестьяне». Им бы только пить, а чтоб повеселиться, так у них на это и способностей нет (Д. 11. Л. 57об).

Впрочем, чувство превосходства у него есть и над «какими-то подполковниками» (26.10.1953) [Дневник 1946–1955].

Было бы заманчиво увидеть в этих высказываниях А. И. Дмитриева невзначай проговоренные фрагменты его политического мировоззрения. Заманчиво, но неверно. Никакой системы в его взглядах на окружающую действительность обнаружить не удается. Картина мира этого рабочего напоминает импрессионистское полотно, в ней доминируют непосредственное живое впечатление, сегодня одно, назавтра другое, вчера было третье. Оступился по дороге на завод, выпачкался в грязи — выбранил местную власть:

> 3.03.1947. В городе настоящая бесхозяйственность. Трамваи на завод не ходят, и приходится туда и обратно ходить пешком [Дневник 1946–1955].

Пошел с женой на театральное представление в новый дворец культуры. Понравилось. Похвалил:

> 8.02.1952. Но лучше всего сам Дворец. Замечательный зрительный зал. Прекрасные фойе и комнаты отдыха. Всюду на стенах картины. На полу замечательные дорожки. Везде буфеты. Все чисто и красиво. Помещение просторное. В общем, очень замечательный Дворец. У нас в городе ничего подобного еще никогда не было. Вот за этот подарок рабочим действительно можно поблагодарить Солдатова[10] [Дневник 1946–1955].

Краски для изображения он берет где придется: из советских газет, из уличного сора, из дореволюционной галантерейной лавки — и смешивает как попало. При всем своем критицизме самым правильным Дмитриев все-таки считает язык партийный. Даже понравившуюся ему девушку он описывает словами газетной передовицы:

> 4.08.1941. Новая знакомая, оказывается, очень развитая девушка: участвовала во многих туристских походах, в том числе и по р. Чусовой, имеет значок «Альпинист 1-й ступени» (Д. 10. Л. 10об.).

Дмитриев принимает советский язык, хотя и сомневается время от времени в идеологических догматах, но не подвергает себя самокритике и не учится жить по-большевистски. Во всех ситуациях он пытается соблюсти собственный интерес, иной раз не замечая границ дозволенного, одобряемого и принятого. Иначе говоря, в поведении А. И. Дмитриева повседневность если с чем-то и сливается, то не с большевистской идеологией, а с культурой бедности, допускающей и даже одобряющей некоторые виды криминального поведения[11].

---

[10] Солдатов Анатолий Григорьевич (1904–1976) — в 1942–1953 гг. директор завода им. Сталина (г. Молотов), генерал-майор инженерно-технической службы.

[11] О «культуре бедности» как ансамбле ценностей, символических границ, поведенческих сценариев, культурного капитала и соответствующий институций см.: [Small et al. 2010; Duvoux 2010].

Портрет А. И. Дмитриева, каким он предстает со страниц дневника, предъявляет фигуру человека, живущего своим умом, наблюдательного, расчетливого, наделенного недюжинной житейской сметкой. Увлечение книгами отнюдь не мешает ему обустраиваться в суровой и недружелюбной среде уральского города. Мир денег был для него своим. Дневник может служить путеводителем по рыночным и государственным ценам 1941–1955 гг. в г. Молотове.

Современные нам социологи назвали бы поведение Дмитриева монетарным в немонетарной экономике. В его дневниках можно найти вставную новеллу под заголовком «Молотов — Кунгур (Поездка за картофелем)». Смысл картофельной операции заключался в игре цен. В г. Молотове картошка на рынке стоила 7–8 рублей за килограмм, в Кунгуре — самое большее 3 рубля. Он подробно описывает, как договорился с поездным машинистом, чтоб тот бесплатно провез его на тендере паровоза из сельской глубинки в областной центр, как нашел выгодного продавца на рынке и т. п. В общем, все получилось, как было задумано (25.07.1946) [Дневник 1946–1955].

Автор дневника стал большим знатоком в играх обмена: купить сапоги на рынке — «головки у них хромовые, подметки кожаные, а голенища кирзовые, но на вид приличные» — за 400 рублей, тут же продать цеховому сапожнику за 200 рублей свои старые, развалившиеся, у которых «только голенища были хорошие» (8.04.1947) [Там же]. В пролетарской среде Дмитриев был своим: проводил вместе с другими рабочими досуг, обменивался новостями, часами просиживал за картами, ходил по гостям и в клуб, был не дурак выпить:

> 30.03.1953. Позавчера я так напился у Яшки на работе, что не помню, как и домой пришел, даже своих денег пропил 25 руб. [Там же].

Впрочем, его товарищи по заводу не только пили вместе, но и обменивались книжками, снятыми с самодельных полок или этажерок фабричного изготовления. Книги добывали из библиотек или покупали в сети КОГИЗа. Такая аббревиатура размещалась на вывесках книжных магазинов и расшифровывается просто: «Книготорговое объединение государственных издательств». Неотчетливый след НЭПа в стране социализма.

6

Й. Хелльбек показывал, насколько важны были идеологические клише для дневников и писем советских людей начала 1930-х. Если считать (с высказанными выше оговорками), что анализируемые им тексты показательны, то советская культурная революция захлебнулась. В дневниках Дмитриева, написанных спустя неполное десятилетие после начала первой пятилетки, отчетливо видны реставрация мещанской культуры, приспособленной к тыловой военной среде и послевоенным реалиям заводского и городского быта — и причудливая гибридизация этой культуры с новыми дискурсами и практиками.

А. И. Дмитриев — человек советский не только по образованию, роду занятий и литературным амбициям, но и — что самое главное — по умению жить в новом обществе, использовать «до упора» доступные ресурсы, находить укромные места, куда не дотянутся контролирующие органы, завязывать и вовремя развязывать так необходимые для решения житейских задач

социальные связи. В то же время в его облике проступают обаятельные черты старого российского мастерового — себе на уме, знающего цену копейке, лукавого с начальством, тороватого с товарищами, пьющего, но умеющего обустраивать свой быт, с крестьянской смекалкой и тягой к интересной книжке, верующего, но без особого усердия.

Сочетание советской культурности и старых заводских традиций накладывают свет и тени на фигуру А. И. Дмитриева. В его дневниках высвечивается жизненный мир квалифицированного советского рабочего, обладающего, как написали бы антропологи, ярко выраженной субъектностью или на поэтическом языке Евгения Баратынского, «лица необщим выражением».

Архивные источники

Дневник 1941–1944 — Дневник Дмитриева А. И. (ПермГАНИ. Ф. 6330 («Архивная коллекция документов краеведов»). Оп. 5. Д. 10–11).

Дубов 1937 — Дубов — Сталину. Докладная записка. Черновик: [Машинопись]. Без даты. Декабрь 1937 (ПермГАНИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 35. Л. 59–83).

Протокол 1948 — Протокол № 8 партийного собрания от 23.03.1948 (ПермГАНИ. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 4. Л. 46–49).

Стенограмма 1934 — Стенограмма V-го Пленума горкома ВКП(б). 1934. 22 сент. (ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 818).

Стенограмма 1936 — Стенограмма V-ой Пермской городской партийной конференции: В 3 т. 1936. 7–8 июля: [Машинопись]. Т. 1 (ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1100). Т. 3 (Там же. Д. 1102).

Сокращения

ПермГАНИ — Пермский государственный архив новейшей истории.

Литература

Алданов 1994 — *Алданов М*. Советские люди (В кинематографе) // Алданов М. Сочинения: В 6 кн. Кн. 1: Портреты. М.: Новости, 1994. С. 313–326.

Афиногенов 1993 — *Афиногенов А*. Дневник 1937 года / Публ. К. Н. Кириленко, В. П. Коршуновой // Современная драматургия. 1993. № 2. С. 223–241.

Берггольц 1990 — Из дневников Ольги Берггольц: Тетради 1939–1940 гг. // Нева. 1990. № 5. С. 171–178.

Бойм 2002 — *Бойм С*. Как сделана «советская субъективность» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 285–296.

Быстрых 1991 — Треугольные письма / Сост. Т. И. Быстрых. Пермь: Пермское книж. изд-во, 1991.

Венявкин 2014 — *Венявкин И*. Большевик как Антей: к истории рецепции одного сталинского высказывания конца 1930-х годов // Русско-французский разговорник, или / ou Les causeries du 7 septembre: Сб. ст. в честь Веры Аркадьевны Мильчиной. М.: Нов. лит. обозрение, 2014. С. 120–128.

Власова 2010 — *Власова Е. С*. 1948 год в советской музыке. М.: Классика–XXI, 2010.

Воронский 1929 — *Воронский А*. Литературные портреты: В 2 т. Т. 2. М.: Федерация, 1929.

Габдулова 1984 — *Габдулова Н. Н*. Социалистическая личность как категория научного коммунизма: Дис. … канд. филос. наук / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1984. Цит. по электрон. версии. URL: http://www.dissercat.com/content/sotsialisticheskaya-lichnost-kak-kategoriya-nauchnogo-kommunizma#ixzz4QhwxT6WX.

Геллер 1994 — *Геллер М*. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994.

Глезерман 1982 — *Глезерман Г. Е*. Рождение нового человека. М.: Политиздат, 1982.

Даниелс 2011 — *Даниелс Р. В*. Взлет и падение коммунизма в России / Пер. с англ. И. Кожановской. М.: РОССПЭН, 2011.

Дневник 1946–1955 — [Дневник А. И. Дмитриева. 1946–1955] // Прожито: Личные истории в электронном корпусе дневников. URL: http://prozhito.org/notes?date=%221947-01-01%22&diaries=%5B426%5D.

Добренко 2006 — *Добренко Е*. Realästhetik, или Народ в буквальном смысле (Оратория в пяти частях с прологом и эпилогом) // Новое литературное обозрение. № 82. 2006. Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/do13.html.

Добренко 2013 — *Добренко Е.* Гоголи и Щедрины: уроки «положительной сатиры» // Новое литературное обозрение. № 121. 2013. Цит. по электрон. версии. URL: http://www.nlobooks.ru/node/3566.

Жирнов 2016 — *Жирнов Е*. «Он съел письмо Льва» // Коммерсантъ Власть. 2016. 14 марта (№ 10). С. 34.

Зинченко, Мунипов 1979 — *Зинченко В. П., Мунипов В. М*. Основы эргономики: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1979.

Зиф 2004 — *Зиф Б*. Провинция. Пермь: Звезда, 2004.

Кабацков 2015 — *Кабацков А. Н*. Жизненный мир советского рабочего в позднюю сталинскую эпоху (по дневнику А. Дмитриева. 1946–1953) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Материалы VII Межвуз. науч. конф., Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: РОССПЭН, 2015. С. 183–192.

Кабацков 2016 — *Кабацков А. Н*. Образы войны по дневникам А. И. Дмитриева 1942–1944 годов // Вестник Пермского университета. Сер. История и Политология. 2016. № 3 (34). С. 117–128.

Липовецкий 2009 — *Липовецкий М*. Трикстер и «закрытое» общество // Новое литературное обозрение. № 100. 2009. Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html.

Митин 1979 — Личность в XX столетии / Под ред. М. Б. Митина. М.: Мысль, 1979.

Постановление 1948 — Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели». 10.02.1948 // Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А. Н. Артизова и О. В. Наумова. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1999. С. 631–634.

Презент — [Дневник М. Я. Презента] // Прожито: Личные истории в электронном корпусе дневников. URL: http://prozhito.org/notes?date=%221930-01-01%22&diaries=%5B425%5D.

Рогова 2010 — *Рогова Е. Е.* Проблемная область одиночества в современном обществе // Общество: Политика, Экономика, Право. 2010. № 1. С. 18–24.

Семянников, Быстрых 2009 — *Семянников В. В., Быстрых Т. И*. Дмитриев Александр Иванович // Пермский край: [Электрон.] энциклопедия. [2009]. URL: http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803701272.

Скиперских 2015 — *Скиперских А. В*. Как при Сталине // Свободная мысль. 2015. № 4. С. 208–216.

Смирнов 1981 — *Смирнов Г. Л.* Советский человек: формирование социалистического типа личности. 3-е изд. М.: Политиздат, 1981.

Сталин 1997 — *Сталин И. В.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 290–341.

Толстых 1975 — *Толстых В. И.* Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. М.: Политиздат, 1975.

Фельдман 2005 — *Фельдман М. А.* Советское государство и уральские рабочие: проблемы технической учебы на производстве в 1935–1940 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. № 2. С. 24–33.

Халфин, Хелльбек 2002 — Интервью с Игалом Халфиным и Йоханом Хелльбеком / Пер. М. Могильнер //Ab Imperio. 2002. № 3. С. 217–284.

Хелльбек 2010 — *Хелльбек Й.* Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // Неприкосновенный запас. 2010. № 4 (72). Цит. по электрон. версии. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2.html.

Хелльбек 2012 — *Хелльбек Й.* Жизнь, прочтенная заново: самосознание русского интеллигента в революционную эпоху (1900–1933) / Пер. с англ. А. Щербенка // Новое литературное обозрение. № 116. 2012. С. 374–384.

Чудакова 2001 — *Чудакова М. О.* Судьба «самоотчета-исповеди» в литературе советского времени (1920-е — конец 1930-х) // Чудакова М. О. Избранные работы. Т. 1: Литература советского прошлого. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 393–420.

Brandenberger 2011 — *Brandenberger D.* Propaganda state in crisis: Soviet ideology, indoctrination, and terror under Stalin, 1927–1941. Stanford (Calif.): Hoover Institution; Stanford Univ.; New Haven: Yale Univ. Press, 2011.

Duvoux 2010 — *Duvoux N.* Repenser la culture de la pauvreté // La vie des idees. 2010, 5 octobre. URL : http://www.laviedesidees.fr/Repenser-la-culture-de-la-pauvrete.html.

Halfin 2003 — *Halfin I.* Terror in my soul: Communist autobiographies on trial. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press, 2003.

Hellbeck 2006 — *Hellbeck J.* Revolution on my mind. Writing a diary under Stalin. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press, 2006.

Mehnert 1932 — *Mehnert K.* Die Jugend in Sowjetrussland. Berlin: S. Fischer, 1932.

Mehnert 1962 — *Mehnert K.* Der Sowjetmensch. Versuch eines Porträts nach zwölf Reisen in die Sowjetunion 1929–1957. 9. Aufl. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1962.

Sandomirsky 1954 — *Sandomirsky V.* The spirit of the new Soviet middle class // The Russian Review. Vol. 13. No. 3 (Jul., 1954). P. 193–202.

Schmid 2007 — *Schmid U.* Die Dostojewskij-Rezeption im deutschen Nationalsozialismus // Jahrbuch der deutschen Dostojewskij-Gesellschaft. Bd. 14. Flensburg: Clasen Druck GmbH, 2007. S. 47–58.

Shoenberg 1978 — *Shoenberg D.* Forty odd years in the cold // Physics Bulletin. 1978. January. P. 11–24.

Small et al. 2010 — *Small M. L., Harding D. J., Lamont M.* Introduction: Reconsidering culture and poverty // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 629. No. 1. 2010. P. 6–27.

"It would be nice to get some kind of bonus…" The Soviet worker alone with his diary (1941–1955)

Leibovich, Oleg L.
Doctor of History
Professor, Head of Department of Cultural Studies and Philosophy
Perm State Institute of Culture
Russia, 614000, Perm, Gazety "Zvezda" str., 18
Tel.: +7 (342) 212-09-90
E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Abstract. Based on the diaries of Al. Dmitriev, this article presents an attempt to reconstruct the life-world of a Soviet worker during the period 1941–1955. In terms of his social status, Alexander Dmitriev belonged to the new type of labor aristocracy. His "I" is a fusion of Soviet culturedness and the traditions of settlement-based old Russian craftsmen. The cultural dominant of his personality is individualism armed with the techniques of survival in the Soviet environment. His strategy of conduct is built in accordance with his personal economic interest. Dmitriev has many advantageous social traits: education, profession, social status, gender, experience in urban socialization. He uses them as resources for survival and social advancement. The author concludes that the result of the Soviet cultural revolution was restoration of a petty bourgeois culture that had adapted to the Soviet way of life.

Keywords: A. I. Dmitriev's diary, Soviet workers, Soviet everyday life, the Soviet subject, the city of Molotov (Perm), culture of poverty, poetics of diaries, Soviet cultural revolution

References

Afinogenov, A. (1993). Dnevnik 1937 goda [Diary of the year 1937]. K. N. Kirilenko, V. P. Korshunova (Eds.). *Sovremennaia dramaturgiia* [Contemporary dramaturgy]*, 1993*(2), 223–241. (In Russian).

Aldanov, M. (1994). Sovetskie liudi (V kinematografe) [Soviet people (In the cinema)]. In M. Aldanov. *Sochineniia v 6 knigakh* [Works in 6 books]. Book 1: *Portrety* [Portraits], 313–326. Moscow: Novosti. (In Russian).

Artizov, A. N., Naumov, O. V. (Eds.) (1999). *Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsia: Dokumenty TsK RKP(b) — VKP(b), VChK — OGPU — NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953* [Power and artistic intelligentsia: Documents of CC RCP(Bolsheviks) — AUCP(Bolsheviks), VCheKa — OGPU — NKVD about cultural policy, *1917–1953*]. Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia". (In Russian).

Boim, S. [Boym, S.] (2002). Kak sdelana "sovetskaia sub''ektivnost' [How "Soviet subjectivity" is made]. *Ab Imperio, 2002*(3), 285–296. (in Russian)

Brandenberger, D. (2011). Propaganda state in crisis: Soviet ideology, indoctrination, and terror under Stalin, 1927–1941. Stanford: Hoover Institution; Stanford Univ.; New Haven: Yale Univ. Press.

Bystrykh, T. I. (Compl.). (1991). *Treugol'nye pis'ma* [Triangular letters]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).

Chudakova, M. O. (2001). Sud'ba "samootcheta-ispovedi" v literature sovetskogo vremeni (1920-e — konets 1930-kh) [The fate of the "self-evaluation-confession" in Soviet literature (1920s — end of the 1930s)]. In M. O. Chudakova. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Vol. 1: *Literatura sovetskogo proshlogo* [Literature of the Soviet past], 393–420. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).

Daniels, R. V. (2011). *Vzlet i padenie kommunizma v Rossii* [Transl. from Daniels, R. V. (1997). *Russia's transformations: Snapshots of a crumbling system*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

[Dmitriev, A. I.]. [Diary. 1946–1955]. *Prozhito: Lichnye istorii v elektronnom korpuse dnevnikov* [Lived through: Personal stories in the electronic corpus of diaries]. Retrieved from http://prozhito.org/notes?date="1947-01-01"&diaries=[426]. (In Russian).

Dobrenko, E. (2006). Realästhetik, ili Narod v bukval'nom smysle (Oratoriia v piati chastiakh s prologom i epilogom) [Realästhetik, or the People taken literally (Oratorio in five parts with a prologue and epilogue)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer], no. 82. Retrieved from http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/do13.html. (In Russian).

Dobrenko, E. (2013). Gogoli i Shchedriny: uroki "polozhitel'noi satiry" [Gogols and Shchedrins: Lessons of a "positive satire"]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], no. 121. Retrieved from http://www.nlobooks.ru/node/3566. (In Russian).

Duvoux, N. (2010, October 5). Repenser la culture de la pauvreté. *La vie des idées*. Retrieved from http://www.laviedesidees.fr/Repenser-la-culture-de-la-pauvrete.html. (In French).

Fel'dman, M. A. (2005). Sovetskoe gosudarstvo i ural'skie rabochie: problemy tekhnicheskoi ucheby na proizvodstve v 1935–1940 godakh [Soviet state and Ural workers. Problems of in-service technical studies during 1935–1940]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], *2005*(2), 24–33. (In Russian).

Gabdulova, N. N. (1984). *Sotsialisticheskaia lichnost' kak kategoriia nauchnogo kommunizma* [Socialistic personality as a category of scientific communism]: Dissertation for degree of *kandidat* in philosophy (Leningrad State University). Retrieved from http://www.dissercat.com/content/sotsialisticheskaya-lichnost-kak-kategoriya-nauchnogo-kommunizma#ixzz4QhwxT6WX. (In Russian).

Geller, M. (1994). *Mashina i vintiki. Istoriia formirovaniia sovetskogo cheloveka* [Machine and screws. History of forming the Soviet man]. Moscow: MIK. (in Russian).

Glezerman, G. E. (1982). *Rozhdenie novogo cheloveka* [Birth of the new man]. Moscow: Politizdat. (In Russian).

Halfin, I. (2003). *Terror in my soul: Communist autobiographies on trial*. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press.

Hellbeck, J (2006). *Revolution on my mind: Writing a diary under Stalin*. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press.

Interv'iu s Igalom Khalfinyim i Iokhanom Khell'bekom [Interview with I. Halfin and J. Hellbeck] (2002). M. Mogilner (Transl.). *Ab Imperio, 2002*(3), 217–284. (In Russian).

Iz dnevnikov Ol'gi Berggol'ts: Tetradi 1939–1940 gg [From Olga Berggolts's diaries. Notebooks of 1939–1940] (1990). *Neva, 1990*(5), 171–178. (In Russian).

Kabatskov, A. N. (2015). Zhiznennyi mir sovetskogo rabochego v pozdniuiu stalinskuiu epokhu (po dnevniku A. Dmitrieva. 1946–1953) [Lebenswelt of a Soviet worker in the late Stalin epoch (according to the diary of A. Dmitriev. 1946–1953]. In *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: Materialy VII Mezhvuzovskoi nauchoi konferentsii, Tver', 4–6 dekabria 2014 g.* [Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953. Materials of the 7th Interuniversity conference, Tver, December 4–6, 2014], 183–192. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Kabatskov, A. N. (2016). Obrazy voiny po dnevnikam A. I. Dmitrieva 1942–1944 godov [Images of the war according to A. I. Dmitriev's diaries, 1942–1944. *Vestnik Permskogo*

universiteta [Bulletin of Perm University]. *Ser. Istoriia i Politologiia* [History and Political Science]*, 2016*(3) (=34), 117–128. (In Russian).

Khell'bek, I. [Hellbeck, J.] (2010). Povsednevnaia ideologiia: zhizn' pri stalinizme [Everyday ideology: Life during Stalinism]. *Neprikosnovennyi zapas* [NZ: Debates on Politics and Culture]*, 2010*(4) (=72). Retrieved from http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2.html. (In Russian).

Khell'bek, I. [Hellbeck, J.] (2012). Zhizn', prochtennaia zanovo: samosoznanie russkogo intelligenta v revoliutsionnuiu epokhu (1900–1933) [Life, read anew: Self-consciousness of a Russian *intelligent* during the revolutionary period (1900–1933)]. A. Shcherbenok (Transl.). *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer]*,* no. 116, 374–384. (In Russian).

Lipovetskii, M. (2009). Trikster i "zakrytoe" obshchestvo [Trickster and the "closed" society]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer]*,* no. 100. Retrieved from http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html. (In Russian).

Mehnert, K. (1932). *Die Jugend in Sowjetrussland*. Berlin: S. Fischer. (In German).

Mehnert, K. (1962). *Der Sowjetmensch. Versuch eines Porträts nach zwölf Reisen in die Sowjetunion 1929–1957.* 9th ed. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt. (In German).

Mitin, M. B. (1979). *Lichnost' v XX stoletii* [Personality in the XXth century]. Moscow: Mysl'. (In Russian).

[Prezent, M. Ia.]. [Diary]. *Prozhito: Lichnye istorii v elektronnom korpuse dnevnikov* [Lived through: Personal stories in the electronic corpus of diaries]. Retrieved from http://prozhito.org/notes?date="1930-01-01"&diaries=[425]. (In Russian).

Rogova, E. E. (2010). Problemnaia oblast' odinochestva v sovremennom obshchestve [The problem area of loneliness in modern society]. *Obshchestvo: Politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, economics, law]*, 2010*(1), 18–24. (In Russian).

Sandomirsky, V. (1954). The spirit of the new Soviet middle class. *The Russian Review, 13*(3), 193–202.

Schmid, U. (2007). Die Dostojewskij-Rezeption im deutschen Nationalsozialismus. In *Jahrbuch der deutschen Dostojewskij-Gesellschaft* (Vol. 14), 47–58. Flensburg: Clasen Druck GmbH. (In German).

Semiannikov, V. V., Bystrykh, T. I. (2009). Dmitriev Aleksandr Ivanovich. *Permskii krai: Entsiklopedia* [The Perm Region: Encyclopedia]. Retrieved from /http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803701272. (In Russian).

Shoenberg, D. (1978). Forty odd years in the cold. *Physics Bulletin, 1978*(January), 11–24.

Skiperskikh, A. V. (2015). Kak pri Staline [As in Stalin's era]. *Svobodnaia myisl'* [Free thought]*, 2015*(4), 208–216. (In Russian).

Small, M. L., Harding, D. J., Lamont, M. (2010). Introduction: Reconsidering culture and poverty. *Annals of the American Academy of Political and Social Science, 629*(1), 6–27.

Smirnov, G. L. (1981). *Sovetskii chelovek: formirovanie sotsialisticheskogo tipa lichnosti* [The Soviet man. Forming of the socialistic type of personality] (3rd ed.). Moscow: Politizdat. (In Russian).

Stalin, I. V. (1997). Otchetnyi doklad na XVIII s''ezde partii o rabote TsK VKP(b) 10 marta 1939 goda [Report at the XVIIIth Party Congress about the work of the CC of the AUCP(Bolsheviks), March 10, 1939]. In I. V. Stalin. *Sochineniia* [Works] (Vol. 14), 290–341. Moscow: Pisatel'. (In Russian).

Tolstykh, V. I. (1975). *Obraz zhizni. Poniatie. Real'nost. Problemy* [Way of life. Concept. Reality. Problems]. Moscow: Politizdat. (In Russian).

Veniavkin, I. (2014). Bol'shevik kak Antei: k istorii retseptsii odnogo stalinskogo vyskazyvaniia kontsa 1930-kh godov [Bolshevik as Antaeus: On the history of reception of a Stalin state-

ment from the end of the 1930s]. In *Russko-frantsuzskii razgovornik, ili / ou Les causeries du 7 septembre: Sbornik statei v chest' Very Arkad'evny Mil'chinoi* [A Russian-French phrasebook, or / ou Les causeries du 7 septembre: Collection of articles in honor of Vera Arkadievna Milchina], 120–128. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Vlasova, E. S. (2010). *1948 god v sovetskoi muzyke* [The year of 1948 in Soviet music]. Moscow: Klassika–XXI. (In Russian).

Voronskii, A (1929). *Literaturnye portrety* [Literary portraits] (Vols. 1-2). (Vol. 2). Moscow: Federatsiia. (In Russian).

Zhirnov, E. (2016, March 14). "On s''el pis'mo L'va" ["He ate Lev's letter"]. *Kommersant" Vlast'* [Kommersant. Power] . (In Russian).

Zif, B. (2004). *Provintsiia* [Province]. Perm: Zvezda. (In Russian).

Zinchenko, V. P., Munipov, V. M. (1979). *Osnovy ergonomiki: Uchebnoe posobie* [Foundations of ergonomics: A manual]. Moscow: Izdatel'stvo MGU. (In Russian).

Leibovich, O. L. (2017). "It would be nice to get some kind of bonus..." The Soviet worker alone with his diary (1941–1955). *Shagi / Steps, 3*(1), 114–135